

— Почему...

Мальчик резко заткнулся из-за появившегося кома в голе. Всё его израненное, истерзанное тело дрожало как от боли, так и от пережитого шока.

Посреди роскошной комнаты, он, на данный момент совсем не вписывающийся в неё, сидел на коленях с опущенной головой перед самым могучим человеком в империи Драгоман — императором Бруесом фон Виссарион.

Одежда мальчишки была порвана и пропитана чужой кровью, как и запах. Стиснув зубы, он смаргивал крупные слёзы обиды и предательства. Жидкость каплями падала на холодный мраморный пол, но человека стоящего впереди это совсем не трогало.

— Так значит, у тебя произошел всплеск магии? — от этого бесцветного тона бросило в дрожь.

Его сын еле смог выжить и спастись от наёмных убийц, а его волнует лишь то, пробудил ли он магию.

Маленькие ладони сжались в кулаки до побеления костяшек. Возрастающая обида обернулась сверлом и сверлит дыру в сердце всё глубже, делая дыру в нём всё больше.

«Неужели, ты хоть немного не волновался обо мне?»

— Папа, ты... ты знал, что меня похитили? — Еле пересиливая себя, спросил маленький Ливиус заплаканным голосом.

Всхлипнув и игнорируя жжение в глазах из-за слёз, он поднимает голову и застывает в шоке.

Тёмно-зелёные короткие волосы походят на колючки, синие глаза безумно блестят, а на лице расплывается ненормальная, довольная ухмылка.

Как этот псих может быть императором? А тем более — его отцом?

— Да, уродец. Я знал.

Он начинает идти в его сторону и всё внутри Ливиуса сжимается. Сердце начинает бешено колотиться в страхе, дыхание перехватывает.

«Я хочу уйти. Я боюсь его» — но тело отказывается двигаться — Все силы ушли на то, чтобы убить похитителей и добраться до дворца.

Глаза судорожно начинают пробегать по помещению в поиске того, чем можно защититься, но не успевают они что-то достойное заметить как цепляются за взрослое тело, опускающееся перед ним.

Горячие руки резко впились в юные плечи, и мужчина, вытаращив очи, отчего ставший ещё больше устрашающим, стал лицом к лицу с сыном, которого до конца своих дней всё равно будет считать отребьем.

— Расскажи мне поподробнее, как ты именно их убил?

Он слишком близко и смотрит прямо в душу. Холодок быстро пробежал по спине, в очередной раз подсказывая, что ничего хорошего ему ждать не приходится. Тем не менее, Ливиус не позволил и капли сомнения отразиться на лице, продолжая смотреть тёмно-синими глазами на императора.

Он как можно тише сглотнул.

— Раз знал... почему не спас меня?.. Или хотя бы не попыта-

Шап!

Отцовская ладонь со звоном ударила его по лицу. Голова мотнулась в сторону, в то время как лицо мальчика потемнело.

— Какой ты Виссарион, если даже в одиночку отбиться от наёмников не в силах?! — заорал озверевший Бруес. — Если бы ты сдох, я бы только обрадовался, ведь это означало бы что ты был фальшивкой! — он схватил Ливиуса за плечи и стал сильно трясти его то вперёд, то назад, — И вообще, я разве это у тебя спросил?! Не носи лишнего дерьма и расскажи о своей силе!

— ...

Беспомощность, смешанная со злостью, сводила с ума, пока ноздри щекотал отвратительный запах смерти.

«Если не отвечу, он может меня убить...» — он поджал губы, стараясь сдержать появляющиеся слёзы. Как же больно осознавать, что тебя настолько не любит родитель, что может убить в мгновение ока и не дрогнуть при этом.

Но он ещё не знал, что через несколько лет от него откажется и мать, а затем она покончит с собой прямо перед его глазами. Её последними словами будут «Это всё из-за тебя. Будь проклят тот день когда ты родился, и будь благословенен тот, когда ты умрёшь»

*

*

*

Если честно, то Ливиус бы и не узнал о произошедшем, если бы по дороге в педсовет, не встретил медика. Изначально, Император собирался провести лёгкую проверку, после чего тихо проведать своих детей, но Вудж частично поменял его планы.

— Ва... Ваше Величество... — как ни странно, первым нарушил тишину своим дрожащим голосом Монэ. Вся смелость мигом стала улечувиваться.

Остальные учителя пришли в себя и тут же, встав со своих мест, молча поздоровались — кто реверансом, кто поклоном. В

Они чувствовали ужасно тяжёлое давление, некоторые даже старались как можно тише дышать.

— Желаю вечного процветания Драгоманской империи. — раздался покорный голос ректора.
— Ваше Величество, добро пожаловать.

Ливиус равнодушно кивнул.

— Отведите его в башню мук, — приказал он своим рыцарям при этом чувствуя внутри огонь, но не имея права заставить его разгореться.

Он должен казаться спокойным в любой ситуации. Сейчас, первым делом он правитель, и лишь после — родитель.

— Я... Я...

Император цинично посмотрел на заикающегося Монэ, выглядящего крайне глупо.

Он резко закрыл рот. Осознание того, что всё конечно, настигло его.

— По дороге совершите ему «сто распутившихся цветов» (покалывание языка гвоздём бесчисленное количество раз до тех пор, пока плоть и кровь языка не образует форму распутившегося цветка) — добавил он уже твёрдо.

Пока подчиненные забирали уже бывшего учителя слова, Ливиус обратился к стоящему по

левую руку жрецу.

— Корнелий, заберите у этого низшего существа священную силу.

— С удовольствием, Ваше Величество. — кивнул нахмуренный мужчина.

— Исид, позаботьтесь о том, чтобы лишить его титула и всего прочего.

— Сейчас же начну, Ваше Величество.

Стоило только им выйти, как оставшиеся, помимо самого Императора, морально приготовились к аду. И не зря...

— Вот до чего довело ваше приватное обучение. — начал он холодно. Подойдя к столу, он упёрся руками к его поверхности.

— Заранее говорю - что бы вы не сказали в своё оправдание, я всё равно поговорю с министром образования об этом инциденте и позабочусь о том, чтобы академия подверглась тщательным проверкам и изменениям.

— ...

Учителя и их помощники не смели даже голоса подать из-за страха, хотя внутри были недовольны. Они работали в этом режиме много лет и считают его самым эффективным, а тут из-за одного случая всё полетит к чертям. Им конечно жаль Принцессу, но своя шкура тоже дорога.

«Ну, это ещё не точно. Можно постараться решить всё с министром деньгами...» — думает Уолис.

— Рабочий персонал также должен быть изменен. — Ливиус посмотрел на всех поочерёдно и когда ненадолго задержал взгляд на Уолис, у той отпало всякое желание что-то творить за спиной. Тем более, если вскоре её уволят.

— Н-но как же наша работа!..

— Помимо этой, почти у всех вас есть ещё какой успешных бизнес, так что вы вряд ли нуждаетесь в деньгах. Тем, кому она правда нужна, я лично оставлю. Пойдём дальше, — посмотрел он на ректора, — Чтобы вы делали с преступником, не прибыв я?

Ливиус прекрасно знает о том, что многие здесь как люди не очень хороши, в отличии от их

знания своего предмета. Но это не значит, что он должен их терпеть. В империи Драгоман много других умных и достойных учителей для этой работы.

«Может стоит министра образования сменить? Его понятия стары, как и он сам» — мимолётно подумал Ливиус.

На его вопрос никто толком не ответил. Лишь бэкали и мэкали, а значит следующим взбучку получил ректор.

Не сказать, что Императору полегчало, когда он вышел из помещения, оставив за собой ужасающихся работников, но он просто не мог промолчать.

Переходя с первого этажа на второй, мужчина резко остановился, еле уловив голос своей старшей дочери. Комната Лавини находилась как-раз недалеко от лестницы.

«Стоит ли мне сначала пойти Лавини? В отличии от Айсель, которой наверняка будет безразлично, был ли я у неё первым или нет, она может расстроится» — несмотря на мысли, сердце постукивает по другому.

Он осознал, что принял тот факт, что беспокоится об Айсель, кроме того, теперь ему не терпится увидеться с ней.

С момента всплеска младшей Виссарион, он не ненавидит её, а даже немного симпатизирует. И это нормально. Кто будет продолжать чувствовать неприязнь после того, как узнает, что этот человек понимает его, или хотя бы не осуждает?

Ливиус думает, что если бы Айсель была более активной, если бы ей хотелось его отцовской любви, то она очень быстро бы смогла добиться своего. А так, он не собирается сближаться с ней, если ей это не нужно, если ей так удобнее.

Ливиус обернулся в сторону комнаты Лавини.

— ...

Он повернулся и продолжил идти дальше.

Нет. Сначала всё же Айсель.

Зайдя к ней в комнату, Ливиус осторожно закрыл за собою двери.

В палате время будто замерло. Шторы были закрыты, потому было немного темно.

Он подошел к кровати, где лежала его дочь и на секунду его глаза расширились от гнева вперемешку с недовольством.

Она лежала, свернувшись калачиком, в чистой пижаме, но лицо и руки были покрыты синяками и ссадинами, а под глазами темнющие круги. Похудевшая Айсель походила на тяжелобольную, да и сон её не был сладким — она хмурилась и кусала и без того искусанные губы.

«Стоит ли мне её разбудить?»

С одной стороны, Ливиус почувствовал себя монстром, у которого отсутствуют всякие принципы и морали, с другой же ему не хотелось, чтобы Айсель была недовольной, хоть это и было необычно для него.

Но пока его руки тянулись для того, чтобы разбудить её, её уста разомкнулись и сказали что-то непонятное, но знакомое для него.

Ливиус удивился и, наострив уши, наклонился чуть ближе к Айсель.

Она продолжила что-то бормотать сквозь сон, и Императору потребовалось немного времени, чтобы вспомнить, где он слышал этот язык.

От Айлы, его почившей жены. Он, правда, всего несколько раз слышал, как она говорит на нём, но оттого что это было что-то необычное, он запомнил это и смог вспомнить.

Когда он спросил её, на каком языке она говорила, она ответила: «Я почему-то знаю его с детства. Вряд ли кто-то сейчас говорит на нём, так что можно считать его мёртвым, древним языком».

Вспоминая её слова, Ливиус тихо про себя ужаснулся. Ведь он не помнил её лица, оно было размыто.

Это было неудивительно, учитывая то, что после её смерти он ни разу не взглянул на её фотографию или портрет и старался не вспоминать, чтобы сердце кровью не обливалось.

«Всё хорошо. Не паникуй, во дворце есть множество её фотографий, так что ты не забудешь её, не сможешь» — мотнул головой мужчина.

Чувствует он, что вместе с радостью того, что он вспомнит её лицо, он впадёт в уныние от того, что её больше нет.

Но это потом. Сейчас удивительно то, что и Айсель знает этот язык. Не знай он, что Айла

также знала его с рождения, хотя его не существует здесь, то посчитал бы что в неё вселился демон, либо же это благословение.

Ливиус не отводил взгляда от Айсель, уже переставшей говорить на непонятном языке. Её лицо расслабилось и смягчилось. Кажется, ей стало лучше.

Император словил себя на мысли, что ему неприятно и даже... противно? Видеть на ней следы побоев. Не только потому, что кто-то посмел нанести физический и моральный ущерб императорской крови, нет. Это было какое-то другое, неприятное чувство. Обида и гнев за неё, что-ли?..

Он захотел узнать по подробнее о том, что с ней случилось, поэтому, написав Айсель небольшое письмо и оставив его на столе, он направился в медкабинет девочек, где по словам медика Вуджа, всё и происходило.

По потрёпанной двери всё сразу стало ясно.

Мебель медкабинета была разнесена в щепки, стены во вмятинах, а возле них и следы от мебели, которая стала грудой обломков, люстра и окно разбиты на множество маленьких осколков. Всё это было смешано с разломанными кусками льда и уже остывшей алой и чёрной кровью.

Это точно сделал Лаксус. Ансель аккуратен.

Воздух ещё немного пыльный, запах крови в нём лучше выделяется. Но было в нём ещё что-то мерзкое, еле уловимое.

Ливиус подошел к одному из самых крупных обломков мебели. С помощью магии он швырнул его прочь и увидел нечто помятое и металлическое.

«Что это было?» — пусть ему и было любопытно, но ему не хотелось бы знать это.

Вокруг этих помятых частей расплылись две небольшие грязные лужи.

Он взял металлический предмет, и вернул её в исходное состояние. Это оказалась ложка.

Ливиус, уже понимая, что это было, зачерпнул немного из лужи воды и принялся.

Там точно был наркотик. Он разобрал этот мусор по составу благодаря магии и оказался прав.

Но что ещё удивительнее, то был тот самый наркотик, которым его пытались накачать, когда

похитили в детстве.

Ливиус с пустыми глазами вспомнил тот день, в который пробудил силу. Он внезапно стал сравнивать своё прошлое со всем, что случилось с Айсель.

Жизнь этого ребёнка частично походит на его. Неужели это из-за него? Будь он другим, случилось бы это с Айсель? Повторяет ли он неосознанно модель поведения предыдущего императора?

«Меньше всего я хочу быть похожим на него. Я не такой, нет! В отличии от него, я не считаю своих детей безвольным мясом!»

Но тогда, почему это случилось с Айсель? Когда с Ливиусом это случилось, всё было по вине его отца.

Бруес пренебрегал им и за человека не считал, так что, видя это, остальные люди понимали что Ливиус без опоры и старались сломать его. Неужели... с Айсель также?

«Похоже, в то время, когда я её игнорировал, горничные трепали об этом направо и налево. — недовольно выдохнул он. — По возвращению, нужно будет узнать, кто это всё начал».

В таком случае, быть «каждый сам за себя» не получится с Айсель.

Вообще, если родитель нормально не будет относиться к своему ребёнку, то и другие старшие тоже, будь ты хоть королевских кровей, хоть нет. И это Ливиус также испытал их своего опыта.

«Я никогда не должен стать таким, каким был предыдущий император» — повторял себе постоянно как мантру он.

Он вспомнил тот самый сон, где Айсель приказала братьям убить его. А ведь что-то похожее он провернул и со своим отцом. Ливиус ненавидел его всей душой и телом.

А Айсель... Она равнодушна, но он не видит ненависти к себе, по крайней мере пока что. Значит, ещё не всё потеряно. Он просто не должен обижать её, чтобы её чаша ненависти не наполнялась. Тем более, что пока ему этого не хочется и не за что.

Даже если ей это не надо, это нужно ему, чтобы он не стал таким как его отец.

Сделать из неё бесполезную и немощную не получилось, поэтому остается лишь жить в мире и стараться поладить.

Конечно, он мог бы просто убить её, но зачем это теперь, когда он узнал о том, что она за человек? Жалко и... он чувствует, что это сейчас было бы трудно для него, если только ещё невозможно. Да и нарушать обещание Айлы не хочется, ведь он наверняка сможет предотвратить события из сна. А исходя из своей истории, Ливиус думает, что ему просто стоит стать хорошим отцом.

Звучит просто — стать хорошим отцом, если не припоминать, что сам Ливиус почти никогда не ощущал на себе родительскую любовь и поддержку, и почти не видел этого же у других. Аристократы либо равнодушны к детям, либо не берут их с собой, либо до рвоты сюсюкаются, или же просто отпускают на самотёк.

Протяжно выдохнув, Ливиус встал на ноги и подошел к выходу.

А ведь, в тот день, после того как он убил всех наёмников и сбежал, Император так и не узнал, какая у него сила.

— Левитация на небольшом расстоянии... — ответил он тогда.

— «Вероятность того, что всё придёт в норму — 100%»

Но его настоящая сила, магия — управление вероятностью.

Мужчина развернулся и щёлкнул пальцами. К тому времени, когда он вышел, медкабинет уже выглядел так, словно ничего и не произошло.

<http://tl.rulate.ru/book/73148/2016646>